

Андронникова Ольга Олеговна

Кандидат психологических наук, профессор кафедры практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, andronnikova_69@mail.ru, ORCID 0000-0002-1756-7682, Новосибирск

Волохова Валентина Игоревна

Старший преподаватель кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, nargiza113@yandex.ru, ORCID 0000-0002-2668-4346, Новосибирск

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ВИКТИМНОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье отражены понятия психологических границ личности и виктимности в контексте значимости социально-психологических процессов. Представлены различные подходы к пониманию термина «граница», разнообразие типологических характеристик границ и их значений в психике. Рассмотрено, как психологическая травматизация личности или нарушенный процесс сепарации, приводящие к формированию специфического набора виктимных черт и деформации личности, формируют негативные установки, виктимные ценности, что указывает на нарушение функциональных возможностей психологических границ. Виктимность рассматривается как системное свойство индивида, закрепленное в привычных формах поведения, обуславливающих потенциальную или реальную предрасположенность личности становиться жертвой. Представлены результаты исследования, в котором подтверждена гипотеза о том, что нарушения психологических границ напрямую связаны с неспособностью личности дифференцировать дистанцию во взаимодействиях, регулировать психологический комфорт своего бытия, что, несомненно, приводит к виктимизации личности и ее закреплению в виктимном статусе.

Ключевые слова: психологические границы личности, психологическое пространство, внешние границы, внутренние границы, проницаемые и непроницаемые границы, виктимность.

Введение. Современное состояние общества, находящегося в ситуации постоянной трансформации, информационные перегрузки, спутанность и малая прогностичность текущих социально-психологических процессов предъявляют специфические требования к личности, ее устойчивости, способности справляться с возрастающей нестабильностью бытия, что выводит на первый план вопросы социально-психологического функционирования человека, сохранения его психологического здоровья, адаптированности.

Одним из важных аспектов, выступающих условием эффективного функционирования личности в социальном простран-

стве, является способность выстраивать регулируемые границы психологического пространства, определяющие специфику взаимодействия личности с миром. Специфика психологических границ определяет способность личности к избирательному взаимодействию, автономии, ответственности, аутентичности и уровень его психологического благополучия. Нарушения психологических границ, на наш взгляд, напрямую связано с неспособностью личности дифференцировать дистанцию во взаимодействиях, регулировать психологический комфорт своего бытия, что, несомненно, приводит к виктимизации личности и ее закреплению в виктимном статусе.

Виктимность в данном контексте рассматривается нами как системное свойство индивида, закрепленное в привычных формах поведения, обуславливающих потенциальную или реальную предрасположенность личности становиться жертвой [2]. Виктимность личности в этом контексте будет детерминирована недостаточной определенностью границ [9]; их уязвимостью, включающей в себя слабость, неустойчивость, повышенную проницаемость [5]; низкую структурированность [10]. А. В. Драпака, анализируя возрастные параметры психологических границ личности, отмечает, что повышенная виктимность может стать следствием слабости границ, допускающих постороннее вторжение во внутреннее пространство личности или недифференцированность внутрисемейных отношений, не позволяющих различать личную ответственность за поступки [4].

Теоретический анализ проблемы.

Рассматривая историографию вопроса исследования, необходимо отметить, что теоретические разработки и опыт клинической практики сменяли этапы сосредоточенного внимания к проблеме психологических границ личности, небольшого пренебрежения, а затем возрастания интереса к данному феномену. Современная ситуация изучения вопроса психологических границ личности характеризуется повышением интереса к явлению в связи с его значимостью в контексте психологического благополучия и здоровья, способности к эффективному функционированию и психологической устойчивости. Несмотря на то что термин «психологические границы личности» в исследованиях отечественных психологов появился относительно недавно, понятие встречается во многих исследованиях, касающихся взаимодействия между Я и другими [8].

В зарубежной науке понятие психологических границ появилось в психоаналитических исследованиях, рассматривающих

вопросы сепарации ребенка от матери (З. Фрейд, А. Фрейд, М. Кляйн, Д. Винникотт, Ж. Лакан и др.). В своих ранних работах З. Фрейд использовал термин «граница» в переносном смысле. По его мнению, этот психический процесс возник в результате расщепления: информация хранится в виде следов памяти, подвергаясь время от времени перестройке для переноса более важной информации. Для путей, ведущих от периферии, память присутствует всегда. Последовательное сохранение информации является определенным этапом жизни человека. Это и есть граница психического (цит. по: [11]). В. Гроссман отмечает, что в письме З. Фрейда говорит именно о границе между уровнями психического. Тем самым было определено понятие «граница» в понимании З. Фрейда: граница является концептуальным разграничителем системы психики таким образом, что возможен переход из одного уровня в другому. После разработки структурной модели в своей работе «Цивилизация и ее неудовлетворенность» З. Фрейд заявил, что, работая с патологией, он столкнулся с большим числом состояний, в которых граница между Эго и внешним миром не определена или в которых она функционирует неправильно, в случаях, когда части тела и даже части его собственной психической жизни – его восприятие, мысли и чувства – как бы не принадлежат человеку. Таким образом, даже Эго-границы подлежат нарушениям или, по крайней мере, не являются постоянными (цит. по: [11]).

В работе «О возникновении “аппарата влияния” при шизофрении» В. Тауск ввел термин «Эго-границы», определяя его как часть обозначения своей уникальности и отдельности от других людей. Он отмечает такие крупные изменения при шизофрении, как ослабление или даже потеря границ-Эго (приводится по: [11]). Использование В. Тауском термина «границы-Эго» может понято как метафора раздельности самого себя от других. Ранее Дж.

Ройс ссылается на термин «границы» для обозначения осознания обособленности от других.

П. Федерн выделил два типа границ Эго: *внутренние границы* Эго, отделяющие от Ид и Супер-Эго, выступающие ограничителем от бессознательных влечений и фантазий, и *внешние*, отделяющие от окружающего мира, понимая границы как метафору между внутренним и внешним, а также между сознанием и бессознательным (приводится по: [11]).

К. Хорни рассматривала и внутренние рамки, в которые человек себя помещает (что привело к появлению представлений об «образе Я» и «Я-концепции»). Гибкость этих рамок, позволяющих человеку пересмотреть свой образ, помогает ему адаптироваться к внешним ограничениям и адекватно выстроить систему отношений с другими, в которых не доминирует ни один из невротических синдромов (конформизм, уход, агрессия) [11]. Сходные взгляды на психологические границы личности мы можем увидеть в п одходе Г. Аммона [1]. Автор рассматривает явление соматической границы (телесное Я) в структуре личности, формирующееся от рождения в процессе эмоционального и телесного контакта с матерью.

Э. Джекобсон вкладывает в понятие «границы» другой смысл, нежели чем границы Эго. Связанные в первую очередь с процессами интериоризации границы располагаются между «Я» и внешним объектом. Через эту границу человек устанавливает суверенность личного опыта и опыт внешнего объекта [11]. О. Кернберг, размышляя о работе Э. Джекобсона, пришел к выводу, что дифференциация компонентов Я и объекта способствует становлению стабильных границ Эго [11]. Наличие размытой границы в межличностных отношениях, регрессивные явления слияния считаются симптомами тяжелых расстройств личности, в которой разграничение Я-объекта временно исчезает.

В трансцендентной религиозной концепции существует понятие «океаническое» чувство, которое характеризуется мистическими переживаниями и субъективным ощущением, что межличностные границы растворяются и человек «сливается с космосом». И такой опыт не обязательно считать патологическим.

Французский аналитик Д. Анзье описал сложные теоретические конструкторы, которые в первую очередь относятся к «оболочке» тела, отделяющей «Я» от внешнего мира. Эго-кожа представляет собой проницаемую психическую границу между предметом и его объектами. По мнению Д. Анзье (D. Anzieu), нарциссические личности обладают необычайно толстой кожей Эго, в отличие от мазохистических и пограничных личностей, которые имеют очень тонкую кожу Эго (цит. по:[11]).

В развитии понимания природы границ значимым и новым является подход Э. Хартманна [13], который представляет границы как новое измерение личности. На основании позиции П. Федерна о разделении границ на внутренние и внешние Э. Хартманн определил границы в континууме толстых и тонких противоположностей, которые он исследовал на большом количестве испытуемых. С помощью специально сконструированного опросника границ, который был построен на психоаналитической концепции функционирования психики, Э. Хартманн и его команда исследовали характер тонкости границ [12].

Исследования Э. Хартманна начались с изучения людей, страдающих от частых кошмаров, имеющих такие особенности, как размытая идентичность, уязвимость в социальных контактах и отсутствие устойчивых защит – по его определению, людей с тонкими психологическими границами. Противоположность – толстые границы – характеризуются стабильной идентификацией, устойчивостью в социальных контактах и постоянством в общем функционировании. Тонкие и толстые гра-

ницы представляются одним из аспектов общей организации психики. Эта дихотомия, противопоставление двух противоположностей, кажется одной из важнейших теории границ. Э. Хартманн связывает толстые и тонкие психологические границы с конституциональными факторами и ранним опытом. Ранние травмы, будь то сексуальные или вызванные насилием, безнадзорность, детские лишения predisполагают к развитию тонких границ. Э. Хартманн считает, что в младенчестве и раннем детстве границы относительно тонкие, затем к 5–10 годам они утолщаются. Процесс утолщения границ зависит от окружающей среды, в которой растет ребенок, и генетических факторов. Была выявлена интересная корреляция между однополым родителем и толщиной границ.

Э. Хартманном было выдвинуто предположение, что определенная толщина границ является основополагающей для нормального психологического функционирования. Так, относительно тонкие психологические границы означают наличие большого количества социальных связей, позволяют легко проникать к психический мир другого. Равным образом слишком толстые психологические границы означают черствость в отношениях с другими, наличие мощных барьеров в отношениях с людьми [13].

Психологические границы позволяют человеку защищать, контролировать и развивать свое психологическое пространство, организовывать личное время; обозначают пределы личной ответственности и определяют идентичность человека; являются инструментом равноправного взаимодействия. Толковый словарь определяет границы как линию раздела между территориями, рубеж. Граница указывает на то, что за ее пределами не распространяется какая-либо функция или деятельность. Помимо данного значения, термин «граница» используется в переносном смысле для обозначения абстрактной близости.

Вместе с тем существует широкое разнообразие типологических характеристик границ, таких как «внешние – внутренние» (К. Левин, Э. Хартманн, З. Фрейд), «сильные – слабые» (Д. Брадшоу, К. Левин), «открытые – закрытые» (Б. Ландис, К. Левин, Ф. Перлз), «сохранные – рваные» (П. Федерн), «здоровые – поврежденные» (Г. Клауд, Дж. Таунсенд), «селективные – ригидные», «гибкие – жесткие» (Н. Браун), «тонкие – толстые» (Г. Аммон, Э. Хартманн), «психологическое пространство личности» (С. К. Нартова-Бочавер).

В концепции терминологии психологических границ определенная «толщина границ» (проницаемость) является основополагающей для нормального психологического функционирования. Так, относительно «тонкие психологические» границы означают большое количество социальных связей, позволяют легко проникать в психический мир другого. Равным образом, слишком «толстые психологические границы» означают черствость в отношениях с другими, наличие мощных барьеров в отношениях с людьми. Согласно Э. Хартманну, люди с более «толстыми границами» тратят больше времени на размышления и продуктивную умственную деятельность, в то время как люди с более «тонкими границами» много времени проводят, мечтая и фантазируя [3].

В нашем исследовании под психологическими границами мы понимаем многомерные дихотомии – проницаемые и непроницаемые границы, которые по существу являются мерой индивидуальности, непрерывно структурирующие пространство восприятия, мыслей, чувств, особенности функционирования психических процессов и состояний, идентичности.

Близким нам по пониманию выступает подход к психологической границе Т. С. Леви, рассматриваемая автором как система, включающая шесть функций [7]. Психологическая граница, по мнению автора, представляет собой «функциональный

орган», отвечающий за действие и определяющий специфику уровней личностной организации: потребности, установки, состояния [6]. Психологическая травматизация личности или нарушенный процесс сепарации, приводящие к формированию специфического набора виктимных черт и деформации личности, также формирует негативные установки, виктимные ценности, что указывает на нарушение функциональных возможностей психологических границ. В случае нарушения сформированной психологической границы, возникающей вследствие виктимизации, граница становится ригидной с невозможностью изменения ее характеристик в случае необходимости, что приводит к нарушению социального функционирования.

Рассматривая особенности психологических границ виктимной личности, нами было проведено исследование с использованием «Я»-структурного теста Аммона, методики диагностики психологической границы личности Т. С. Леви, методики исследования склонности к виктимному поведению (разработана О. О. Андрониковой) и методики психологической автобиографии. Выборку составили взрослые респонденты в общем количестве 83 человека. Группы были разбиты по уровню виктимности: 48 человек с высокой виктимностью и 35 человек с низким уровнем виктимности.

Группа с высоким уровнем виктимности характеризуется низкими количественными показателями событий указанных в автобиографии, вытеснением событий раннего детства. Наивысшие показатели среди значимых событий набрали события из жизни родственников. Большинство в качестве значимых событий указывают смерть родителей или других значимых лиц. Наблюдается высокий уровень стремления к заместительной деятельности или участию в жизни других людей.

Факторный анализ группы с высоким уровнем виктимности и склонностью к вик-

тимному поведению самоповреждающего и пассивного типов позволил выделить два фактора с соответствующим наполнением. Первый тип виктимной личности обладает характеристиками: пассивный тип виктимного поведения (0,652); внутреннее «Я» – отграничение деструктивного типа (0,667); деструктивное внешнее «Я» – отграничение (0,523); непускающая (0,590) и проницаемая (-0,5) функции психологической границы. Этот тип личности характеризуется деструктивными показателями по внутреннему и внешнему «Я» – отграничению, означающими жесткость границ между внутренними психическими структурами и наличием барьера, изолирующего «Я» от других структур и не разрешающего переживать жизненные негативные события. Характерными чертами такой личности выступают: стремление диссоциироваться от прошлого, настоящего и будущего; низкая временная компетентность; нарушение причинно-следственных закономерностей; нарушение способности к взаимодействию с окружающим миром, который рассматривается как враждебный; склонность к избеганию контактов и гиперконтролю собственных чувств и переживаний; непринятие эмоциональной экспрессии окружающих с попытками не замечать их проблем; склонность к переживанию чувства эмоциональной пустоты; снижение предметной активности. Значимый факторный вес для этого типа испытуемых имеют деструктивные события автобиографии (0,623) (произошедшие в раннем периоде жизни до 3 лет), нарушенные отношения с матерью (0,510) или ближайшими родственниками (0,5).

Второй тип виктимной личности включает такие факторные компоненты, как пол (свойственен женщинам); самоповреждающий тип виктимного поведения (0,520); деструктивная агрессивность (0,734); внешнее «Я» – отграничение дефицитное (0,581); внутреннее «Я» – отграничение деструктивное (0,537); внутреннее

«Я» – отграничение дефицитарное (0,585); спокойно-нейтральная (-0,610) функция психологической границы.

Характерными особенностями этого типа испытуемых выступили бессознательные попытки воссоздать негативные события детства с целью компенсации полученных психотравм. Для испытуемых характерно: высокая степень виктимности; неспособность сдерживать собственные эмоции; склонность вступать в эмоционально болезненные отношения; зависимость от партнера; деструктивная агрессивность, проявляющаяся в склонности к разрушению контактов и деструктивным поступкам; восприятие событий как угрожающих; аутоагрессивное поведение; предрасположенность к суицидальным действиям и/или несчастным случаям.

Заключение. Таким образом, проведен-

ное исследование позволяет сделать вывод о наличии ряда особенностей сформированности психологических границ виктимной личности. Нарушения психологических границ личности непосредственно связаны с переживанием деструктивных событий детства и нарушением эмоциональных связей с ближайшим значимым окружением. В ситуации недостаточности психологических границ человек не способен адекватно выстраивать социальные коммуникации, склонен погружаться в собственные переживания или переживания другого человека. Низкая дифференцированность внутреннего и внешнего мира приводит к возникновению виктимной уровневой организации личности (виктимизации на уровне потребностей, установок, состояний), приводя к нарушению уровня действий и адаптивности.

Библиографический список

1. Аммон Г. Психосоматическая терапия. – СПб.: Речь, 2000. – 238 с.
2. Андронникова О. О., Радзиховская О. Е. Виктимная идентичность личности и факторы её становления: теоретический и эмпирический анализ: монография. – Рига: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG., 2011. – 143 с.
3. Волохова В. И., Кошенова М. И. К вопросу о взаимосвязи темпоральной компетентности и психологических границ личности // Сибирский педагогический журнал. – 2016. – № 6. – С. 96–101.
4. Драпака А. В. Возрастные аспекты психологических границ личности // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2014. – № 10 (100). – С. 130–136.
5. Жедунова Л. Г., Волдаева А. С. Границы психологического пространства личности как фактор нарушений пищевого поведения // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – С. 237–241.
6. Киселева Е. Б. Особенности функционирования психологической границы человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию // NovaInfo.ru. – 2015. – Т. 1, № 34. – С. 345–348.

7. Леви Т. С. Методика диагностики психологической границы личности // Вопросы психологии. – 2013. – № 1. – С. 131–146.
8. Пивненко Т. В. Психологические границы Я в игре детей, не принимаемых сверстниками: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М.: МГППУ, 2008. – 26 с.
9. Сахарова Н. А., Щукина Ю. В. Феномен «Психологические границы личности» в психологии // Dubna Psychological Journal. – 2014. – № 3. – С. 1–9.
10. Соколова Е. Т. Где живет тошнота? // Психологическое консультирование и психотерапия: хрестоматия. – М.: Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – С. 212–225.
11. Gabbard G. O., Lester E. P. Boundaries and boundary violations in psychoanalysis. – N.Y.: Basic Books, 1995. – 223 p.
12. Hartmann E. Boundaries in the Mind: A New Psychology of Personality. – N.Y.: Basic Books, 1991. – 288 p.
13. Hartmann E. Boundaries: A New Way to Look at the World. – Summerland, CA: CIRCC EverPress, 2011. – 213 p.

Поступила в редакцию 30.01.2018

Andronnikova Olga Olegovna

Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof. of the Department of Special and Practical Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University; andronnikova_69@mail.ru, ORCID 0000-0002-1756-7682, Novosibirsk

Volokhova Valentina Igorevna

Senior Teacher of the Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University; nargiza113@yandex.ru, ORCID 0000-0002-2668-4346, Novosibirsk

PSYCHOLOGICAL BORDERS VICTIMIZATION PERSONALITY

Abstract. This article reflects the concepts of psychological boundaries of personality and victimization in the context of the socio-psychological processes. There are various approaches to understanding the term “border” and the variety of typological characteristics of borders, their significance in the psyche. The article considers the influence of the psychological trauma of the personality and the violation of the separation process that lead to the formation of a specific set of victim traits and personality deformities, to the emergence of negative attitudes, victim values, which limits the functional capabilities of psychological boundaries.

Victimization is considered as a system property of the individual, fixed in the habitual forms of behavior that cause the potential or real predisposition of the person to become a victim. This article study is given in which the hypothesis is confirmed that the violation of psychological boundaries is directly related to the inability of the individual to differentiate the distance in interactions, to regulate the psychological comfort of his being, which undoubtedly leads to victimization of the person and fixing it in the victim status.

Keywords: psychological boundaries of the individual, psychological space, external borders, internal borders, permeable and impenetrable borders, victimization.

References

1. Ammon, G., 2000. Psychosomatic therapy. Saint Petersburg: Speech Publ., 238 p. (In Russ.)
2. Andronnikova, O. O., Radzikhovskaya, O. E., 2011. Victim identity of the personality and the factors of its formation: theoretical and empirical analysis: monograph. Riga: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Publ., 143 p. (In Russ.)
3. Volokhova, V. I., Koshenova, M. I., 2016. On the question of interrelation between temporal competence and psychological boundaries of personality. *Siberian Pedagogical Journal*, 6, pp. 96–101. (In Russ.)
4. Drapaka, A. V., 2014. Age aspects of psychological boundaries of personality. *Journal of Scientific Publications of Post-Graduate Students and Doctoral Students*, 10 (100), pp. 130–136. (In Russ.)
5. Zhedunova, L. G., Voldaeva, A. S., 2014. Borders of the psychological personality space as a factor of eating disorders. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 4, pp. 237–241. (In Russ.)
6. Kiseleva, E. B., 2015. Features of the psychological boundary of a person who has fallen into a difficult life situation. *NovaInfo.ru*, 1, 34, pp. 345–348. (In Russ.)
7. Levi, T. S., 2013. The method of diagnosing the psychological border of an individual. *Questions of psychology*, 1, pp. 131–146. (In Russ.)
8. Pivnenko, T. V., 2008. Psychological boundaries I am in the game of children not accepted by peers: author’s abstract dis. *Cand. Sci. (Psychol.)*. Moscow: Moscow State Pedagogical University Publ., 26 p. (In Russ.)
9. Sakharova, N. A., Shchukina, Yu. V., 2014. Phenomenon “Psychological boundaries of personality” in psychology. *Dubna Psychological Journal*, 3, pp. 1–9. (In Russ.)
10. Sokolova, E. T., 2001. Where does nausea live?. *Psychological counseling and psychotherapy: reader*. Moscow: Moscow Psychotherapeutic Journal Publ., pp. 212–225. (In Russ.)
11. Gabbard, G. O., Lester, E. P., 1995. Bound-

aries and boundary violations in psychoanalysis. N.Y.: Basic Books Publ., 223 p.

12. Hartmann, E., 1991. Boundaries in the Mind: A New Psychology of Personality. N.Y.: Ba-

sic Books Publ., 288 p.

13. Hartmann, E., 2011. Boundaries: A New Way to Look at the World. Summerland, CA: CIRCC EverPress Publ., 213 p.

Submitted 30.01.2018